

Вадим Ф. Лурье,

фотограф,

www.visantrop.ru

Олег Николаев,

научный сотрудник

научно-информационного центра

«Мемориал»,

Санкт-Петербург

У современного человека тема «похорон» и прочие темы, связанные со смертью и расставанием вызывают опасения, скуку, иногда — страх.

Имеет значение только жизнь и доступные в этой жизни радости. Смерть же в обыденном сознании — это абсолютная беда, несчастье, с ней лучше не иметь дела. В традиционном аграрном обществе жизнь устроена иначе. Там важно сделать смерть «хорошей», почти

«Похоронили хорошо»

О похоронных фотографиях в русской культуре

своей, домашней, чтобы она не зияла страшной и неудобной фигурой умолчаний. На похороны, как и на свадьбу, собирается вся семья — чтобы удостовериться, пишут авторы статьи, что похороны состоялись «как следует», а тем, кого нет на похоронах, посылают свидетельства о том — фотографии. Попрощались достойно, мол, и продолжаем жить дальше. Тогда член рода может надеяться, что и его не обойдут честью памяти и уважения.

Семейный фотоальбом (или коробка со снимками) хранится в семье с особой тщательностью. Наверное, после семейных икон, если таковые есть, семейные фотографии ценятся больше всего.

В фотографиях запечатлён своего рода визуальный тезаурус семьи. Любая фотография — это фотография «на память». О человеке, о месте, о событии... Место — иногда ещё есть (но не всегда достижимо для зрителя), иногда исчезло (как множество умерших деревень), человек вырос, уехал или умер, событие прошло. И даже если это событие повторяющееся, как Новый год, таким, как на фотографии, оно уже не будет. «На память», «В память» — вот что написано на обороте фотографий, которые были подарены владельцу альбома. Недаром, кстати, раньше делали специальные крепления в альбомах для фотографий — чтобы не приклеивать их, а вставлять и иметь возможность смотреть, что написано на обороте. Визуальное сообщение шло в сочетании с текстовым.

Эти фотографии — визуальное измерение общего исторического знания, семейного, родового, локального... Дело не только в том, что запечатлено на снимке. Обычно в семейной традиции фотографии рассматриваются и комментируются (в случае семейных праздников, например, когда собираются родственники), и эти рассказы могут транслироваться от поколения к поколению... Когда человек, причастный к изображённому миру, смотрит на фотографию, память активизируется, и контексты, в снимке не отражённые, восстанавливаются. С уходом носителей такой памяти наследникам альбомов остаются только изображения.

Довольно большой пласт фотографий, находящихся в семейных альбомах, посвящён последнему прощанию с членами семьи и рода (в отдельных архивах — до 20% всех фотографий). Это фотографии похоронные. У открытого гроба, во время перевозки его на кладбище, у могилы, во время поминального застолья... По нашему экспедиционному опыту, наибольшее количество таких снимков — своего рода пик жанра — приходится на 1950-1970-е годы. Предполагаем, что широкое распространение похоронных фотографий характерно для сельской местности, провинциальных малых городов, в случае жителей больших городов — для выходцев из деревенской среды.

Предтечей похоронной фотографии была традиция посмертной живописи.

Портреты в гробу писались, прежде всего, с известных лиц (выдающихся деятелей государства, искусства, науки и т.д.), но, по некоторым данным, и купцы в уездных городах могли заказывать такие изображения местным живописцам. Возникшая фотография, а позже — кинематограф, перенимают эти функции у живописи. Похороны выдающихся лиц снимаются на фото- и киноплёнку, кадры киносъёмки демонстрируются с 1910-х годов в качестве хроники в кинотеатрах.

С появлением массовых и доступных технологий (прежде всего фотокамер) с середины 1950-х годов возникает фотолюбительство. Казалось бы, перед «человеком с фотоаппаратом» открываются неограниченные возможности фиксации повседневной жизни. Но, по нашим наблюдениям, первыми достойными изображения ситуациями оказываются *ритуальные*: семейные застолья, свадьбы, проводы в армию... Похоронные фотографии (и застольные) оказываются в этом ряду наиболее частотными. Число этих ритуальных ситуаций, подлежащих визуализации, постепенно увеличивается: появляется жанр новогодней бытовой фотографии, очень распространённые снимки с первыми велосипедами, мотоциклами, машинами... В конце концов, появляется бытовая репортажная фотосъёмка.

С развитием технологий — тем более с началом эпохи цифровой фотографии — диапазон ритуальных ситуаций, которые нуждаются в визуальном документировании, непрерывно расширяется. «Обрядов перехода» у современного человека становится всё больше: первый класс, окончание школы, поступление в вуз, окончание вуза, новая работа, новая должность, новая дача, новая машина, новая жена и т.д., и т.п. Продолжают существовать — и исчезать не собираются — жанры застольной (теперь фиксируется чуть ли не любая встреча за столом) и свадебной фотографии... вот только похоронные фотографии, активно в течение почти 30 лет (1950-1970-е годы) заполнявшие семейные фотоальбомы, явно ушли из актуального бытования. Конечно, продолжают создаваться профессиональные репортажи с похорон выдающихся людей; в разных сообществах (дружеских, корпоративных, родственных) фотолюбители с разрешения родных и близких фотографируют похороны; бюро ритуальных услуг предлагают (в качестве факультативной!) и услугу фотодokumentирования. Но по сравнению

«Похоронили хорошо»

О похоронных фотографиях
в русской культуре

с 1950-1970-ми годами, когда фотографирование похорон и само бытование похоронных фотографий претендовало на то, чтобы считаться массовым ритуалом, оно явно перестаёт таким быть.

Мало того, меняется отношение к уже существующим в семейном архиве похоронным фотографиям и практика их хранения. Когда-то (особенно в деревнях) эти снимки помещались в фотоальбомы рядом с фотографиями других значимых событий (например, свадеб), хранились в коробке вперемешку с самыми разными «визуальными документами» жизни семьи, даже помещались (хотя и довольно редко) в знаменитые настенные «коллажи», висевшие на стенах деревенских домов. Сейчас старые похоронные фотографии могут восприниматься внутри семьи как «опасные», «плохие»¹, которые «никто никогда не смотрит»; они могут храниться отдельно от семейного фотоальбома (например, в конвертах) и позиционироваться вне общей семейной визуальной памяти (например, как локализованные в определённом поколении — «это дедовские»).

В этом контексте вопрос формулируется довольно отчётливо: **почему жанр похоронной фотографии столь активно функционировал в течение 30 лет и столь резко перестал быть актуальным?** Понятно, что если его возникновение можно связывать с развитием технологий, то «уход» никак нельзя объяснить технологическими причинами.

Фотография в определённый исторический период оказалась необходимой традиции похоронной обрядности. Так, Ольга Бойцова описывает фотографию через общее функциональное поле похоронного обряда: «Фотографирование похорон окончательно оформляет переход умершего в новый статус: оно переводит его из живых в мёртвые не только в реальности, но и «в памяти»². Фотографирование наделяется традиционными функциями, свойственными похоронному обряду как «обряду перехода»: «... фотографирование занимает определённое место в похоронно-поминальной обрядности, является действием, направленным на нормализацию смерти»³. Как у любой ритуальной практики, у похоронной фотографии возникают свои правила: «В российской любительской

¹ Бойцова О. Не смотри на них, они плохие: фотографии похорон в русской культуре // Антропологический форум. — 2010. — № 12. — С. 349-350.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 342.

фотографии сложился свой канон похоронных снимков, и эти «канонические» фотографии удостоверяют правильность окончания жизненного пути, его соответствие норме»⁴. Также ритуально регламентируется практика «обмена, показа и просмотра»⁵ фотографий похорон. Традиция поддерживает и сохраняет себя, прибегая к радикально новым технологическим средствам; в таком случае они не приходят в повседневность со своими новыми функциями, а исполняют старые традиционные.

Почему возникает необходимость в визуальной документации перевода «из живых в мёртвые»? «Цель такого фотографирования <...> — документация перехода, в данном случае, от жизни к смерти...»⁶? Почему эта окончательная точка «нормализации смерти» должна быть визуальной? Что произошло с традиционным похоронным обрядом с появлением императива фотографирования похорон и бытования этих фотографий?

С известной долей упрощения и идеализации можно сказать, что в традиционной культуре мифо-ритуально-магическая реальность, будучи целостной и самодостаточной, полностью подчиняла себе феномен смерти. Ритуализация охватывала все фазы цикла: смерть — похороны — поминание. Русский крестьянин ритуально готовился к смерти: заготавливал одежду «на смерть» (у некоторых групп русских старообрядцев она и шилась собственноручно; узелок со «смирненной одеждой» при дальних поездках возили с собой); иногда сам «строил» себе гроб; примечал приметы (например, смерть близка, когда «слёзы уходят»), видел вещие сны и т.д. В эту культуру «ожидания смерти» были включены и окружающие: семья, род, локальное сообщество. Фаза похорон полностью подчинялась ритуалу, что исчерпывающе описано в этнографической литературе. Поминальные практики были включены в календарный круг и локализованы на приходском кладбище, являющимся общим местом погребения для всех родов и семей округи; деревянные кресты были недолговечны, надписей на них обычно не делали, место захоронения предков могло и не поддерживаться специально — всё равно «вся рода тут лежит». В традиционной модели все фазы были уравновешены системой традиционных практик, ни один из элемен-

тов смертно-похоронно-поминального цикла не гипертрофировался. Соответственно, и нужды в инновациях никакой не было.

На рубеже 1920-1930-х годов происходит кардинальный слом традиционной культуры и, соответственно, обрядовой парадигмы. Наука давно исследует этот пограничный для судеб традиции период. Но похоронный обряд этого времени привлекал внимание лишь в случаях экстравагантных попыток внедрения новых советских ритуалов (типа «похорон пионера»), а в целом *казалось, что похоронная обрядность, по крайней мере, в сельской местности, оставалась в пределах традиции* вследствие своей сокровенности и особой актуальности. По сравнению с календарной и свадебной обрядностью, похоронная оказалась наиболее устойчива перед ударами времени.

Однако советская эпоха с её воинствующим атеизмом отменяет религиозное измерение похоронной обрядности. Даже уже лишённый церковного пространства и отпевания ритуал всё равно оказывается во враждебном окружающем контексте. Традиционные практики оказываются дискредитированы. Оседлому образу жизни — основе русской крестьянской культуры — объявляется война. Индустриализация, ссылки раскулаченных, бегство в города ведут к рассеиванию семей, родов... и могил. Одновременно рушится социальный организм деревни, который задавал общественное пространство похоронного обряда (традиционные деревенские похороны — всегда социальное, а не только семейное событие).

Как ведёт себя традиционный ритуал в ситуации окружающих со всех сторон угроз разрушения? Риском сделать одно предположение, которое, на наш взгляд, позволит прояснить факт широкого бытования фотографий похорон. Экстремальное состояние любой культурной практики актуализирует (вводит в позицию напряжённой готовности) «знание», на котором эта практика основывается. Соответственно, активизируются функции экспертной оценки правильности нынешнего бытования практики, аккумуляции знания о норме и его трансляции. Появляется и социокультурная роль «эксперта», и люди, которые играют эту роль. Деревенские «эксперты» в области похоронной обрядности — обычное явление вплоть до конца 1980-х годов.

Фёдор Алексеевич Виноградов (1896-1987), дедушка Олега Николаева, одного из авторов статьи, переехав

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Там же. С. 349.

⁶ Там же. С. 334.

«Похоронили хорошо»

О похоронных фотографиях
в русской культуре

в 1974 году из умершей родной деревни в довольно большой посёлок Плоскошь (около 2 000 жителей), считал необходимым для себя ходить на все похороны в посёлке. Уже сам его «приход» прощаться с покойным (по деревенской традиции прощаться с покойником, гроб с которым стоит в отдельной комнате, может прийти любой человек, даже давний недруг семьи), обязательное участие в обрядовом действии являлись демонстрацией «правильного» отношения к похоронам. В традиции существовал императив — всем членам местного сообщества участвовать в похоронном обряде. Придя с очередных похорон, Фёдор Алексеевич долго и подробно рассказывал, как соблюдался обрядовый порядок, как выглядел покойник, кто был из родственников покойного, как с ним прощались, кто причитал, кто много плакал, в каком месте кладбища и как погребали, как поминали и т.д. Некоторые из рассказов о похоронах попадали в повествовательный репертуар Ф. А. Виноградова и не раз потом воспроизводились. О том, как прошли похороны родственников или давних знакомых, он писал письма родне. Фёдор Алексеевич не был ригористом, он не коллекционировал ритуальные ошибки и никого в открытую не осуждал. Интересно, что при всей его наблюдательности, позволяющей отслеживать, кто как себя вёл в ходе обряда, рассказы о похоронах подчинялись некоторой модели правильно проведённых похорон. Из всех этих взглядов, советов, замечаний, подсказок, звучащих вокруг события похорон, может быть собрано некое представление о ритуальной норме. Точка этой сборки в традиции существует — широко распространённая формула **«похоронили хорошо»**.

В русской традиции существовал императив: о смерти необходимо рассказывать и о смерти необходимо слушать. Рассказы о похоронах строятся обычно как развёртывание формулы «похоронили хорошо», чаще всего они с неё и начинаются (или ею заканчиваются). Смысловой диапазон формулы широк: правильное соблюдение ритуала; выбор хорошего места для погребения (рядом с родственниками, высокое, «песочек» и т.д.); обустройство могилы, даже погода во время похорон. «Похоронили хорошо» — значит, успели оповестить всех родных и близких; из дальних мест были присланы телеграммы о соболезновании; много народу пришло прощаться с покойником... И ещё один значимый момент, входящий в поле формулы и касающийся самого

рассказывания — горе было «рассказа-но» и услышано.

С 1930-х годов к устным описаниям похорон добавляются письменные, которые пытаются преодолеть последствия разрушения социальных пространств деревни, рода, семьи, а значит, и «пространств памяти». Возникает целый жанр похоронно-поминальных писем, в которых родне рассказывают о смерти и похоронах родственников. В разных жанрах народной письменности — от записных книжек до дневников погоды и жизнеописаний — появляются «памятные» списки умерших близких, записи о смерти односельчан, описания похорон.

В бумагах упомянутого Ф. А. Виноградова был обнаружен текст с описанием смерти и похорон его жены, Евфросиньи Михайловны, умершей в 1985 году. Текст явно был написан специально и начинается весьма красноречиво: *«Справка пожизненно на память детям, Богу душу от дала наша родная мама Евфросинья Михаловна скончалас 23го марта на 82 году жизни»*⁷. «Справка...» целиком и полностью является детальным развёртыванием формулы «похоронили хорошо». Смерть «на руках» мужа, сына и племянницы. Обмывание, расчёсывание и «обряжение» (узелок со «смирненной одеждой» у Евфросиньи Михайловны был подготовлен заранее: *«бельё в ней было подложено и связано»*). Облик умершей: *«тело поставили в перед хорошо и красиво и она в лицо выглядит чисто»*. Отправление телеграмм родственникам. Заказывание гроба. «Положение» в гроб и прощание односельчан: *«уложили тело в гроб и уложили так хорошо лежит как живая все заходили смотреть соседи»*. Приготовление поминальной еды — было даже сварено домашнее пиво (*«сделали своего пива»*), к 1985 году фактически ушедшее из бытования. Подготовка могилы (перечислены имена мужиков, которые копали могилу) на «своём» кладбище, отстоящем от поселка, где жили Фёдор Алексеевич и Евфросинья Михайловна, на семь километров. Заказывание оградки и памятника. Погребение — «проводы настоящие». Посещение кладбища на следующий день после похорон. Фёдор Алексеевич подсчитывает и расходы на похороны (деньги у Евфросиньи Михайловны были отложены). Описание заканчивается «подтверждением» формулы «похоронили хорошо» как бы от лица умершей: *«Мама обижатся не будет как хотела всё сделано»*, — и благодарностью

подругам Евфросиньи Михайловны: *«даи Бог здоровье на много лет жизни пожить в своей приобретёной жизни»*.

В данном случае развёрнуто всё, что свёрнуто в формуле «похоронили хорошо» и рассеяно в поле экспертной оценки. Собственно, заключение «ритуального знания» в формулу — один из механизмов самосохранения традиции. Само распространение формулы «похоронили хорошо» обусловлено ситуацией, когда правильность ритуала становится проблематичной.

Во время Великой Отечественной войны восприятие смерти и похорон становится трагически напряжённым. Советская идеология вырабатывает свою модель описания гибели воина и его погребения, на которой основываются письма командиров частей родственникам погибшего: *«Ваш муж 12.10.1944 года, храбро сражаясь с немецко-фашистскими захватчиками, погиб смертью героя и похоронен в братской могиле 3 км <нрзб.> ст. Пюшпек <...> На могиле Вашего мужа мы поклялись отомстить за смерть нашего боевого товарища, и эту клятву мы выполним. Вам обещаем отомстить, покарать врага за всё, что он наделал на нашей земле, покарать так, чтобы уже не посмел нарушать нашу мирную, трудовую, полную радости и счастья жизнь. Желаем вам успеха в вашей жизни и работе на благо нашей Родины»* (письмо о гибели М. Г. Варлакова его жене от 31 октября 1944 г.)⁸. Видим, что ключевым моментом описания похорон становится «клятва на могиле», которая и призвана, по мысли советских идеологов, преодолеть трагизм самого известия (сразу за «клятвой» в письме идут пожелания). Но о гибели солдат писали родственникам не только командиры, но и друзья-однополчане, обладавшие традиционным крестьянским сознанием: *«Привет с фронта 25 сент добрый день Тося! Эта пишет Попов Никита Созонович Тося Я вам сопчаю в том, что мой друг ваш муж Петра василич погиб храбрым в боях снимечкими оккупантами в городе мглина орловской области где он похоронин. Тося похоронили Петра василича хорошо [курсив наш — В. Л., О. Н.] могилу опклали дерном и поставили паметн что погиб за родин и храбрым в боях со зверелом Фашизмом»* (письмо Н. С. Попова о П. В. Пелевине от 25 сентября 1943 г.)⁹.

⁸ Цифровой архив программы «Музей народной письменности».

⁹ Цифровой архив программы «Музей народной письменности».

⁷ Личный архив О. Р. Николаева.

«Похоронили хорошо»

О похоронных фотографиях
в русской культуре

Н. С. Попов находит, что сказать жене погибшего друга. Он не использует мотив клятвы на могиле (возможно, официально обязательный). Для Попова значимы другие, традиционные смыслы. И, наверное, он убеждён в том, что именно это нужно жене его друга: «Тося похоронили Петра василича хорошо могилу оклали дерном и поставили паметн». Далее следует дополнение из идеологических клише («что погиб за родин...»), но главный акцент сделан не на них, а на начале фразы. Формула «похоронили хорошо» — здесь ключевая. Н. С. Попов уверен, что она будет «прочитана» в своих традиционных смыслах и принесёт необходимое утешение.

Формула «похоронили хорошо» обнаруживает свою значимость тогда, когда возможна ситуация «похоронили плохо», когда вообще похорон может не быть. На наш взгляд, *фотографии похорон являются визуальной ипостасью формулы «похоронили хорошо»*, они так же её развёртывают, как устные рассказы или описания в письмах. Новая технология фотодокументирования оказывается востребованной механизмами самосохранения традиционного ритуала. Широкое распространение похоронная фотография получает с конца 1950-х годов — это время, когда заканчивалась эпоха потрясений: добровольных или принудительных перемещений по всей необъятной стране, ссылок, ГУЛАГа, Великой Отечественной войны... Время, когда от людей, погибших в этих потрясениях, могло не остаться никакой памяти, даже на устную мог быть запрет. Фотография похорон оказывается важным свидетельством того, что похороны состоялись. В рамках восприятия поколения, очевидно, было неизбежным сравнение с теми членами семьи и рода, которые пропали без вести на войне, были похоронены на чужой стороне, погребены в братских могилах и на безымянных кладбищах, сгинули в лагерях и на пути в ссылку... Фотография похорон подтверждала возможность самим хоронить своих мёртвых... и хоронить правильно.

Визуальная форма оказывается особо значимой в поле коммуникативной функции. Есть ощущение, что фотографии похорон делались специально, чтобы отправить родственникам в другой город, область... По крайней мере, если фотосъёмка состоялась, то фотографии обязательно рассылались по всей родине; собственно, и большинство адресов, записанных старшим поколением, было нужно именно для

этой ритуальной связи. Не все могли приехать на похороны. Посылаемые фотографии, изображавшие родню вокруг гроба умершего, выполняли ритуальную функцию своеобразного «собрания» рода. Зачастую родственники не видели друг друга десятилетиями, встречаясь на похоронах, а если и это невозможно, то рассматривая похоронные фотографии и отслеживая, кто как изменился (вырос, повзрослел, постарел), кто как выглядит и кто как себя ведёт в ритуальной ситуации последнего прощания. В. А. Подорога убедительно описывает механизм, как фотографии похорон устраняют «работу скорби»: «И вот сегодня, разглядывая эти уже очень старые фотографии, на которых изображены те, чьи имена знала только бабушка, но которые когда-то и составляли «корень» фамилии, и все знали меня, я замечаю, что самыми главными фотографиями были именно ЭТИ — похоронные. Фотографии торжественной скорби... Запечатлевая отдельные и самые главные моменты похорон, они давали представление не только о самом событии, но и разом открывали присутствие всех ближайших и самых далёких родственников. Работа скорби устранялась этим безусловным могуществом рода над смертью: все живые противостояли одному мёртвому. Ритуалы траура были неизмеримо более ценными, чем «работа скорби»»¹⁰.

Через свои устные, письменные и визуальные ипостаси формула «похоронили хорошо» доказывается и манифестируется, что, по сути, служит восстановлению идеальной модели ритуала. Независимо от того, как происходили похороны на самом деле, их формульная версия будет говорить о том, что всё-таки «похоронили хорошо». И в этом проявляется терапевтическая функция: ритуальная норма восстанавливается и для данного случая, и, косвенно, для тех похорон, которые в истории семьи и рода прошли неправильно (если вообще прошли). Формула исключает случайности, она их подчиняет норме; ведь и фотографии специально подбирались (и в ходе съёмки, и при рассылке), чтобы дать некую идеальную визуальную версию похорон для родственников. Можно сказать, что похоронные фотографии

выполняют ещё одну, крайне важную функцию — аккумуляции ритуального знания, трансляции обрядовой нормы, а значит, и воспроизводства традиции.

Жанр похоронных фотографий активно бытовал несколько десятилетий. Он возник как механизм самосохранения традиции с началом новой переходной эпохи в истории русской культуры, в ситуации угрозы разрушения традиционной обрядности, и ушёл из жизни к 1980-м годам вместе с поколением, которое знало, что такое «похоронили хорошо», и подчинялось ритуальному императиву трансляции этого знания — умело рассказывать и слушать рассказы о смерти и похоронах.

В 1930-1960-е годы на фотографиях, которые дарили на память, часто встречалась надпись: «Лучше вспомнить и взглянуть, чем взглянуть и вспомнить». Вторую часть формулы можно применить к фотографиям похоронным. Их посылают и рассматривают при получении не для погружения в ситуацию травмы и горя, а для того, чтобы «взглянуть и вспомнить»: увериться в том, что родственника «похоронили хорошо», вспомнить, что так хоронили и других в роду, и возобновить знание о том, что так должно быть и в будущем.

¹⁰ Подорога В. А. Непредъявленная фотография. Заметки по поводу «Светлой камеры» Р. Барта // Автобиография. К вопросу о методе. Тетради по аналитической антропологии. № 1 / Под ред. В. А. Подороги. — М., 2001. — С. 202.